

ЗАМѢТКА ПО ПОВОДУ СТАТЬИ :
«О ПРОИЗВОДСТВѢ ВЪ ЧИНЫ ВО ФРАНЦІИ».

Съ удовольствіемъ прочитали мы въ одномъ изъ прошлогоднихъ нумеровъ «Военнаго Сборника» любопытную статью г. Аничкова «О производствѣ въ чины во Франціи». Авторъ статьи, разбирая гіерархическое устройство во Франціи, заставляетъ читателя совершенно справедливо удивляться тѣмъ разумнымъ началамъ, на которыхъ оно основано; но дойдя до изложенія того случая, когда инспекторъ французскихъ войскъ въ производствѣ въ чины за отличіе можетъ руководствоваться мнѣніемъ товарищей, г. Аничковъ говоритъ: «странно, что ни въ одномъ европейскомъ законодательствѣ, при производствѣ за отличіе, выборъ не предоставленъ товарищамъ—сослуживцамъ». Это замѣчаніе г. Аничкова навело насъ на мысль о нашемъ давно забытомъ прошломъ, гдѣ очень часто затрогивались такіе вопросы, которые и по нынѣ еще остаются неразрѣшенными и возбуждаютъ къ себѣ живое участіе во всѣхъ образованныхъ людяхъ. Къ числу такихъ явленій принадлежитъ и мысль о производствѣ въ чины по приговору товарищей—сослуживцевъ. Мысль эта давно уже у насъ въ Россіи была правильно развита и отчасти примѣнена въ нашемъ войскѣ Петромъ I,—и мы конечно удивимъ многихъ, сказавши, что съ 1714 года, то есть съ изданія объ этомъ предметѣ указа и далеко позже смерти Великаго Императора, въ арміи

нашей не было иного порядка въ производствѣ, какъ на основаніи выше приведеннаго правила. Вотъ отъ слова до слова этотъ, въ высшей степени замѣчательный указъ, которымъ великій челоуѣкъ въ подробности опредѣляетъ порядокъ производства не по старшинству, а по личному достоинству и при этомъ не иначе, какъ съ согласія товарищей.

«1714 года Апрѣля 14 числа.

Мы Петръ Первый

Царь и Самодержецъ Всероссійскій
и пр. и пр. и пр.

«Объявляемъ сей нашъ указъ генераламъ нашимъ, фельдмаршаламъ и прочему генералитету, также высшимъ и низшимъ офицерамъ и прочимъ кому вѣдать надлежитъ. Понеже во всей арміи офицеры какъ высшіе, такъ и низшіе черезъ фельдмаршаловъ и генераловъ на вакансіи производятся не всѣ со свидѣтельствомъ; того для повелѣваемъ симъ указомъ, когда вакансія будетъ, то производить *тѣмъ, которымъ ближе достоенъ, то хотя и ниже его недостойнаго* (*) и такимъ образомъ оберъ-офицеровъ за свидѣтельствомъ штабъ и оберъ-офицеровъ того полку, а штабъ-офицеровъ за свидѣтельствомъ всей дивизіи генералитету и сей дивизіи (ежели не при дивизіи случится, то за свидѣтельствомъ толикому числу штабныхъ офицеровъ, сколько ихъ случится, а именно, чтобъ не было штабу менѣе какъ трехъ полковъ), что тотъ, который производится на вакансіи того достоенъ, при томъ же объявляется, чтобъ выбирали и не для какой страсти, но правдою, а ежели сыскано будетъ, что неправдою то избраніе, будутъ тѣ лишены своихъ пожитковъ и чести и тѣ свидѣтельства принимать у нихъ къ высшему генералитету за ихъ руками, по тѣмъ свидѣтельствамъ ихъ публиковать и потомъ высшему генералитету присылать тѣ свидѣтельства съ самыми тѣми офицерами, которые въ чины будутъ произведены въ военную канцелярію, для принятія имъ на тѣ чины патентовъ (тогда, когда имъ будетъ свободное время и не во время кампаній).

«Сіе позволеніе о перемѣнѣ чиновъ дается по прежнему указу фельдмаршаламъ производить до подполковниковъ, а генераламъ

(*) Курсивомъ напечатанныя слова написаны въ подлинникѣ собственною рукою Государя.

полнымъ до капитановъ, а въ полковники безъ нашего указа и фельдмаршаламъ не производить, но выбравъ предъреченнымъ образомъ, потомъ въ присутствіи объявляетъ намъ, а въ отдаленіи писать и ждать позволенія. Сей указъ публиковать вездѣ, гдѣ падлежитъ» (*).

Далѣе Государь разсуждаетъ такимъ образомъ о вредѣ и ущербѣ государственному интересу отъ существующаго порядка производства въ чины по старшинству службы, не обращая вниманія на личныя достоинства человѣка:

«Хотя обычай есть въ нѣкоторыхъ многихъ государствахъ, что повышеніе въ чинахъ по старшинству службы, но сіе кажется весьма не добрый тотъ есть порядокъ и не точію не добрый, но еще и вредный государственному интересу и случается и съ самимъ тѣмъ, которые такъ повышены бываютъ какъ явится ниже, ибо всякій легко можетъ разсуждать, что Богъ не равное дарованіе людямъ далъ и на примѣръ ежелибъ годный былъ въ генераль-маіоры послѣдній полковникъ по списку, то бы подлежало всѣхъ повысить въ генераль-маіоры или бригадиры, которыхъ бы было болѣе 60 человѣкъ; а такое число генераловъ куда употребить? Когда не по достоинству дѣла, а по старшинству службы возвышаютъ, то бываетъ погрѣшеніе обоихъ, какъ выше писано, на примѣръ ежели такого возвысятъ, который полкомъ могъ управлять, а далѣе не имѣеть столько силъ душевныхъ, то и государственный интересъ потеряетъ и онъ, который возвышенъ, понеже отъ его недостатку государственный интересъ можетъ быть поврежденъ, а оный за тотъ поступокъ наказанъ будетъ, а паче наказаніе, что явится негоднымъ и такъ вѣкъ не человѣческой застанетъ. Я бы желалъ, чтобы у всѣхъ было такое разсужденіе, какъ учинилось въ прошедшей войнѣ въ аглецкимъ флотѣ у боцмана, который былъ на кораблѣ аглецкаго вице-адмирала отъ краснаго флага и когда оный вице-адмиралъ сигналъ получилъ отъ адмирала атаковать въ Ввыгосѣ французскій флотъ и когда къ оному приближился, тогда тотчасъ остановленъ былъ отъ французскаго брандера и зажженъ, отъ чего вице-адмиралъ со всѣми съ корабля бѣжать принуждены были, но вышереченный боцманъ уговорилъ человѣкъ съ пятьдесятъ, чтобы остались, съ которыми отчаянно тотъ корабль спасъ, за

(* Главныи государственный архивъ, дѣла кабинетныя, по одно-томному реестру книги № 17, листъ 44.

что королева онаго капитаномъ учинила, но оный благодаря ея милости, онаго чина не принялъ, но просилъ токма жалованья, объявляя, что ему того не снести, а когда не снесетъ, то ни капитанъ, ни боцманъ будетъ, но понеже не всякій такого разсужденія, того ради опредѣляется же указомъ яко слѣдуетъ, дабы это въ оскорбленіе не ставитъ и невѣденіемъ не отговариваться» (*).

Геніальный указъ этотъ и множество другихъ не менѣ замѣчательныхъ военно-положеній безсмертнаго преобразователя Россіи, осязательно указываютъ намъ необходимость разрабатывать свою родную почву, гдѣ, къ сожалѣнію, у насъ еще такъ много бесплодныхъ пустошей. Тогда быть можетъ рѣже пришлось бы сожалѣть о несовершенствѣ всего нашего русскаго и безсознательно восхищаться чужеземною мудростью.

Возьмемъ для примѣра другой указъ того же Государя о пониманіи устава и объ отношеніи офицеровъ къ солдатамъ, указъ, не менѣ перваго поучительный и современный при настоящемъ общемъ напряженіи къ оживотворенію буквы устава и между нашимъ офицеромъ и солдатомъ. Указъ этотъ говоритъ: «Понеже офицеры суть солдатамъ яко отцы дѣтямъ, того ради надлежитъ ихъ равнымъ образомъ отеческимъ содержать и понеже дѣти передъ отцами суть безсловны во всякомъ послушаніи, полагая надежду свою на отцахъ во всемъ, чего ради отцы не дрематное попеченіе о ихъ состояніи имѣютъ, о ихъ ученіи, пропитаніи и всякомъ снабденіи, особливо же дабы нужды и недостатка не терпѣли, тако офицерамъ дѣлать надлежитъ (а особливо наши офицеры должны суть, понеже не единый народъ въ свѣтѣ такъ послушливъ, яко россійскій) во пользѣ солдатъ дѣлать, что въ ихъ мочи есть (а чего не смѣютъ доносить вышнимъ) и не точію ихъ лишними церемоніями, караулами и протчимъ, а особливо во время кампаней, правда можетъ офицеръ яко-бы къ оправданію своему отвѣтствовать, когда втомъ спрошенъ будетъ, что я то чинилъ по уставу воинскому, однакоже то его оправдать неможетъ, хотя то и написано, ибо тамъ порядки писаны, а время и слушаевъ нѣтъ, того ради надлежитъ ему разсужденіе имѣть (понеже не въ числѣ дѣтей, но въ числѣ отцевъ обрѣтается какъ вы-

(*) Главный государственный архивъ, дѣла кабинетскія, по двутомному реестру книги № 37, листы 417, 379 и 380.

ше писано) о цѣлости солдатъ (ибо все воинское дѣло въ томъ состоитъ); многіе, не смотря на трудный маршъ и прочія тягости солдатъ, когда кто изъ вышихъ поѣдетъ, тотчасъ встать велить и ружье на караулъ поднять, караулы ставятъ многіе и лишніе, или и не лишніе, но не нужные и въ числѣ такомъ, яко-бы солдаты въ домахъ сидѣли, такожь пикеты въ неопасныхъ мѣстахъ противо-опасныхъ и прочее чинять безъ разсужденія, держася воинскаго устава, яко слѣпой стѣны, того ради сей пунктъ предлагается, дабы офицеры въ таковыхъ нужныхъ случаяхъ на крѣпко разсуждали и дѣлали то, безъ чего обойтись невозможно для облеженія людямъ, опасаясь жестокаго истязанія за неразсужденіе» (*).

Достаточно двухъ приведенныхъ нами столь важныхъ документовъ, чтобы показать, что за частую мы напрасно теряемъ и трудъ и время, отъискивая въ чужихъ уставахъ то, что западные наши сосѣди выработали и примѣнили у себя къ дѣлу втеченіе долгаго своего политическаго существованія и что весьма рѣдко можетъ быть примѣнено у насъ съ успѣхомъ. Намъ кажется, что въ подобныхъ случаяхъ и ближе и полезнѣе обращаться къ нашимъ богатымъ архивамъ. Одна эпоха царствованія Петра Великаго представить неисчерпаемый источникъ знаній и учрежденій разумныхъ, вполне примѣнимыхъ къ настоящему времени; знаній и учрежденій вытекшихъ изъ русскаго національнаго духа, изъ жизни и прямой потребности Русскаго народа. А золотой вѣкъ Екатерины II? Румянцевъ, Суворовъ, Потемкинъ, Орловъ, Разумовскій, Панинъ, Безбородко, Бецкій, Вяземскій — эти истинно великіе государственные люди, обнимавшіе дѣятельностію своею жизнь Россіи въ теченіе слишкомъ тридцати лѣтъ? Неужели они не оставили намъ ни одного назидательнаго урока?

Имѣя предметомъ нашей статьи обзоръ прошедшей дѣятельности по усовершенствованію войска, мы представимъ здѣсь одинъ изъ приказовъ по арміи князя Потемкина Таврическаго, въ которомъ онъ обращаетъ вниманіе частныхъ начальниковъ на обученіе солдатъ, на обращеніе съ ними и на ихъ одежду и обмундированіе.

(*) Главный государственный архивъ, дѣла кабинетныя, отдѣленіе 1, книга 37, листъ 409. Подлинникъ собственной руки Императора.

Приказъ

въ войска, начальству моему Высочайше ввѣренный.

«Изъ опытовъ извѣстно, что полковые командиры обучаютъ движеніямъ рѣдко годнымъ къ употребленію на дѣлѣ, пренебрегая самыя нужныя, и для того я предписываю обучать слѣдующему:

«Маршъ долженъ быть шагомъ простымъ и свободнымъ, чтобы не утруждаясь больше впередъ подвигаться. Конверціи взводами и большими частями производиться должны со всевозможною скоростью, не наблюдая ровности шага, а подобно коннымъ оборотамъ; по окончаніи оныхъ равняться.

«Строить колонны и разводить оныя во фронтъ съ такою же скоростью должно.

«Какъ въ войнѣ съ Турками построеніе въ каре испытано выгоднѣйшимъ, то и слѣдуетъ обучать формировать оный изъ всякаго положенія.

«Особенное употреблять стараніе обучать солдатъ скорому заряду и вѣрному прикладу.

«Паче всего я требую, дабы обучать людей съ терпѣніемъ и ясно толковать способы къ лучшему исполненію.

«Господа полковые и баталіонные командиры долгъ имѣютъ испытать напередъ самыхъ оберъ и унтеръ-офицеровъ, достачны ли они сами въ знаніи; унтеръ-офицерамъ и капраламъ отнюдь не позволять наказывать побоями, а понуждать лѣнливыхъ палкою не больше шести ударовъ.

«Отличать прилежныхъ и добраго поведенія солдатъ; этимъ родиться похвальное честолюбіе, а съ сямъ и храбрость, читать при томъ въ свободное время изъ военнаго артикула, чѣмъ солдатъ обязанъ службѣ. Не упускать въ воскресные дни приводить на молитву.

«Въ конницѣ также исполнять, что ей можетъ быть свойственно. Выстроеніе фронтовъ и оборота производить быстро, а паче атаку, коей ударъ на ближней дистанціи долженъ быть во всей силѣ; сидѣть на лошади крѣпко съ свободностью, какую козаки имѣютъ, а не по манежному принужденно, стремена чтобъ были не длинны.

«Построеніе какъ въ конницѣ, такъ и въ пѣхотѣ должно быть въ двѣ шеренги, ибо третья только мѣшаетъ двумъ первымъ, полезнѣе прибавлять линію или резервъ. Артиллеристовъ обучать

ежедневно и съ порохо́мъ, развѣ бы погода не позволяла; егерей преимущественно обучать стрѣлять въ цѣль.

«Всякое принужденіе, какъ-то вытѣжка въ стояніи, крѣпкіе удары въ приѣмахъ ружейныхъ, должны быть истреблены, но вводить бодрый видъ при свободномъ держаніи корлуса. Наблюдать опрятность, столь нужную къ сохраненію здоровья, содержаніе въ чистотѣ аммуниціи, платья и обуви; доставлять добрую пищу; лудить по-часту котлы, таковыми попеченіями полковой командиръ можетъ отличатся, ибо я на сіе буду взирать, а не на вредное щегольство, удручающее тѣло.

Объ одеждѣ и вооруженіи войскъ.

«Въ прежнія времена въ Европѣ, когда всякъ кто могъ долженъ былъ ходить на войну и по образцу тогдашняго бою сражаться бѣлымъ оружіемъ, то есть не огнестрѣльнымъ, и каждый по мѣрѣ достатка своего и тяготилъ себя желѣзными бронями. Защиты таковыя простирались даже и до лошадей. Потомъ, предпринимая дальніе походы или строясь въ эскадроны, начали себя облегчать, полныя латы премѣнялись, такъ что въ конницѣ передняя часть и каскетъ на шляпѣ, а въ пѣхотѣ знакъ, и то только у офицеровъ. Тогда таковыя не мало обороняли, особливо же отъ копій, почему не напрасное имѣли къ нимъ уваженіе, которое, превратясь въ нѣкоторое военное педанство, поставило цѣну и аммуниціи вовсе не обороняющей. А такъ какъ все казалось легко въ разсужденіи желѣзнаго снаряда, при перемѣнѣ аммуниціи ввели множество вещей излишнихъ и нескладныхъ. Въ Россіи же, когда вводилось регулярство, вошли офицеры иностранныя съ педанствомъ тогдашняго времени, а наши, не зная прямой цѣны вещамъ военнаго снаряда, почли все священнымъ и какъ будто таинственнымъ. Имъ казалось, что регулярство состоитъ въ косахъ, шляпахъ, клапанахъ, обшлагахъ, ружейныхъ приѣмахъ и прочемъ. Занимая же себя таковою дрянью, и до сего времени не знаютъ еще самыхъ важныхъ вещей, какъ-то: маршированья, разныхъ построеній и оборотовъ, а что касается до исправности ружья, тутъ полированіе и лощеніе предпочиталось добротѣ, а стрѣлять почти не умѣютъ; словомъ, одежда войскъ нашихъ и аммуниція такова, что придумать почти нельзя лучше къ употребленію солдата, тѣмъ паче, что онъ взятъ будучи изъ крестьянъ (въ тридцать лѣтъ почти) узнаеть уже узкіе саногы.

множество подвязокъ, тѣсное нижнее платье и пропасть вещей вѣкъ сокрушающихъ.

«Красота одежды военной состоитъ въ равенствѣ и въ соотвѣтствіи вещей съ ихъ употребленіемъ. Платье, чтобы было солдату одеждою, а не въ тягость. Всякое щегольство должно уничтожать, ибо оно плодъ роскоши, требуетъ много времени и изживенія и слугъ, чего у солдата быть не можетъ. На семь основаніи предложу по порядку о вещахъ, составляющихъ аммуницію.

«Шляпа уборъ негодный, она головы не прикрываетъ и торча концами во всѣ стороны озабочиваетъ навсегда солдата опасностью, чтобы ее не изнять, особливо мѣшаетъ положить голову будучи треугольникомъ, препятствуетъ ей поворачиваться и не закрываетъ также отъ морозу ушей. Кафтанъ и камзолъ съ рукавами, какъ сихъ вещей вдругъ не носить, то которая нибудь и есть излишняя. Покрой кафтана подаетъ много поводу дѣлать его разнообразнымъ, слѣдовательно, уравненія быть не можетъ. Штаны въ конницѣ лосиные, которымъ срокъ положенъ весьма дологъ, такъ что сберегая ихъ, солдатъ долженъ на свои деньги дѣлать другую пару суконныхъ, убытокъ несносный, котораго требовать отъ него несправедливо. Притомъ много заботятъ чищеніемъ и трудностью надѣванья; зимою отъ нихъ холодно, а лѣтомъ жарко, подъ ними же нельзя имѣть полотняной одежды и нынѣ же лосиная одежда не нужна, въ старину ее носили для того, что употребляли латы, а какъ лосина больше могла сносить, нежели сукно, потому и предпочиталась.

«Сапоги дѣлаютъ такъ узки, что и надѣвать трудно, а скидывать еще труднѣе, особливо когда намокнутъ. При томъ сколько подвязокъ, чтобы они гладки были и сколько лакированія, чтобы лоснились.

«Для пѣхотнаго шпага лишняя тягость, оружіе не употребительное, о которомъ главное стараніе у всѣхъ, какъ бы ловче надѣть, чтобы маршировать свободнѣе, также и ворочаться. Многія арміи шпагъ въ пѣхотѣ не употребляютъ, а носятъ штыки.

«Сѣдло Венгерское лучше всѣхъ сѣделъ, доказательствомъ тому, что всѣ націи, ѣздящія верхомъ, такіе употребляютъ: Венгры, Татары, Черкесы, Козаки и Поляки. Они легки, лошадей вовсе не саднятъ. Дѣлать ихъ въ полкахъ можно дешевле старыхъ.

О УБОРЪ ВОЛОСЪ.

«Завивать, пудриться, плестъ косы—солдатское ли это дѣло? У нихъ камердинеровъ нѣтъ. На что же пукли? всякъ долженъ согласиться, что надежнѣе голову мыть и чесать, нежели отягочать пудрою, саломъ, мукою, шпильками и косами. Туалетъ солдатской долженъ быть таковъ, что всталъ, то и готовъ. Еслибъ можно было счесть сколько выдано въ полкахъ за щегольство палокъ и сколько храбрыхъ душъ пошло отъ сего на тотъ свѣтъ? И простиительно ли, что стражъ цѣлости отечества удержанъ прихотями, происходящими отъ вертопраховъ, а часто и отъ безразсудныхъ. Употребленіе же солдатами пуколь и косъ сопряжено съ слѣдующими невыгодами: уносить у нихъ по нарасну много времени и изнуряетъ ихъ, потому что когда бываетъ отрядъ на караулъ, то обыкновенно шесть, а когда эскадрону или цѣлому полку назначается строй, то до двѣнадцати часовъ употребить имъ непременно должно для убиранія себѣ взаимно волосъ и препроводить цѣлую ночь въ этомъ безпокойствѣ безъ сна, отчего неминуемо должно послѣдовать неизбѣжное упущеніе въ другихъ нужныхъ исправленіяхъ, ибо препроводивъ такимъ образомъ ночь въ семь изнуреніи, не имѣютъ они ни времени ни силы исправить другихъ своихъ дѣлъ, какъ на примѣръ, вычистить и накормить своихъ лошадей и прочее; или ежели въ этомъ упущенія не сдѣлаютъ, то не будучи подкрѣплены сномъ бываютъ слабы, нерасторопны и мало способны къ такимъ дѣйствіямъ, гдѣ потребны бодрость, живость и сила; требуетъ разорительнаго для бѣдныхъ солдатъ изжидвенія, которые, нуждаясь и такъ во многомъ по малости своего жалованья, должны еще изъ того употреблять на пудру, помаду и косныя ленты, въ годъ каждый по меньшей по рублю по пяти копѣекъ.

«Суконные, лосинныхъ штановъ выгоднѣе тѣмъ, что суконные полагаются только на одинъ, а лосиные на четыре года. Поэтому нижніе чины принуждены бываютъ замѣнять ихъ суконными, покупая ихъ на счетъ своего жалованья, что составить въ годъ каждому не дешевле шестидесяти копѣекъ. Во время осеннихъ дождливыхъ погодъ, лосинные причиняютъ великое безпокойство, а особенно вновь приверстнымъ; зимою же они ни мало не грѣютъ. Лосиные, суконныхъ убыточнѣе для солдатъ, по этому не только потребно ихъ чисто вохрить, на что въ годъ изойдетъ

по меньшей мѣрѣ 20 коп., но надлежитъ еще имѣть къ нимъ пары три штибель-манжетъ, что будетъ стоить въ годъ по крайней мѣрѣ 30 коп.; суконные же по новому образцу ничего того не требуютъ.

«Просторные сапоги передъ узкими и онучи или портянки передъ чулками имѣютъ выгоду, что въ случаѣ, когда ноги помокнуть или вспотѣютъ, можно при первомъ удобномъ времени тотчасъ ихъ скинуть, вытереть портянкою ноги, и обергѣвъ ихъ опять сухимъ уже оной концомъ вскорости обуться, и предохранить тѣмъ ихъ отъ сырости и ознобу.

«Въ узкихъ же сапогахъ и чулкахъ, того учинить никакъ не можно, которыхъ ни удобно скинуть, ни свободно надѣть нельзя, да чулки бываетъ не всегда возможность переменить или высушить, черезъ что бѣдные солдаты, имѣя безпрестанно ноги мокры, подвергаютъ ихъ нерѣдко простудѣ и другимъ болѣзнямъ. Что не имѣя нужды такъ какъ при узкихъ сапогахъ подвязывать крѣпко своихъ ногъ, солдаты могутъ и свободнѣе ходить и болѣе перенести путевого труда и обращеніе крови не остается.

«Ежели всѣ сн столь очевидныя въ теперешнихъ мундирныхъ и другихъ вещахъ неудобства исправить, то солдатъ сверхъ другихъ многихъ выгодъ, будетъ имѣть еще отъ своего жалованья въ остаткѣ, противъ теперешнихъ издержекъ, до двухъ рублей.

«Каска же сверхъ выгоды и способности въ употребленіи своемъ имѣетъ передъ шляпою и ту предпочтительность, что и видъ даетъ пригожій солдату и есть нарядъ военный, характеристическій.

«Подлинный подписалъ князь Потемкинъ Таврическій» (*).

На сколько приведенный приказъ современенъ при настоящихъ требованіяхъ, на сколько онъ здравъ и человѣченъ по выраженнымъ въ немъ мыслямъ, объ этомъ безъ поясненія нашего каждый легко убѣдится. Нельзя не пожалѣть о томъ, что мы не вполне еще цѣнимъ наши отечественные и оставляемъ безъ вниманія родные источники, откуда можно было бы черпать полезныя свѣдѣнія о нашей прошедшей жизни. Во многихъ изъ насъ укоренилось убѣжденіе, что все истинно полезное можетъ доходить до насъ не иначе, какъ только съ заграничнымъ клеймомъ.

(*) Изъ документовъ, хранящихся въ Главномъ государственномъ архивѣ, собраніе приказовъ князя Потемкина Таврическаго.

Лишь только возникнет мало-мальски новый, или даже и не новый, а просто забытый вопрос о чемъ либо, какъ мы не оглядѣвшись хорошенько у себя, тотчасъ же наряжаемъ чуть не ученую экспедицію за море для рѣшенія тамъ нашего вопроса; и водою и сухимъ путемъ, катятъ наши умники на западъ, посоветоваться съ тамошними мудрецами, присмотрѣться къ тамошнимъ дѣламъ и отыскать тамъ непременно рѣшеніе для нашего вопроса. И вотъ, вырвавъ по клочку изъ уставовъ: французскихъ, германскихъ, англійскихъ, италіанскихъ и другихъ, вѣстники просвѣщенія возвращаются со своими богатствами въ родную землю и мы, съ благоговѣніемъ взирая на нихъ, какъ на людей, проглотившихъ всю заморскую ученость, готовы вѣрить имъ на слово и примѣнять у насъ цѣликомъ взятое изъ иностранныхъ учреждений. Можетъ быть послѣднія и весьма хороши, да у себя дома. А между тѣмъ жизнь русскаго народа, его умъ, его исторія, сохраняя свою дѣвственную чистоту и неприкосновенность, пожираются на архивныхъ полкахъ рукою всеразрушающаго времени.

Н. О.